

УДК 94(470.62) «17/1917»
ББК 63.3(235.7)5-7
К 12

Б.С. Кагазежев,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79094692069, e-mail: Kbayzet@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В XVIII–XIX ВВ.

(рецензирована)

Аннотация. Предметом данной статьи являются системы земледелия, народные сельскохозяйственные орудия северокавказских народов. Также прослеживается распространение различных традиционных культурных растений и земледельческих орудий, появление новых культур в регионе Северного Кавказа на протяжении XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: хозяйственная культура, северокавказские народы, традиционные земледельческие орудия.

B.S. Kagazezhev,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Philosophy and Sociology Department, the Adyghe State University, Maikop, ph.: +79094692069, e-mail: Kbayzet@mail.ru

FROM HISTORY OF ECONOMIC CULTURE OF THE NORTH CAUCASUS PEOPLE IN THE 18–19TH CENTURIES

Abstract. This paper describes systems of agriculture and national agricultural tools of the North Caucasus people. Also the author shows the distribution of various traditional cultural plants and agricultural tools, and emergence of new cultures in the region of the North Caucasus throughout the 18–19th centuries.

Keywords: economic culture, North Caucasus people, traditional agricultural tools.

Данные европейских авторов о хозяйственной деятельности северокавказских народов в XVIII в. являются наиболее многочисленными и охватывают, наряду с адыгами, другие народы региона. Этому способствовали развитие русско-кавказских отношений, проведение так называемой Кавказской кордонной линии и основание на ней городов-крепостей Кизляра, Моздока, Владикавказа и др. Среди авторов этого периода особое внимание заслуживают наблюдения

М. Пейсонеля, И. Гильденштедта, П. Палласа, Я. Потоцкого и др. Сообщения М. Пейсонеля, например, дают возможность судить не только о многих сторонах жизни черкесов, но и о занятиях ногайцев, которые, кочуя со своими стадами по обширным просторам Северо-Западного Кавказа, занимались частично и земледелием, возделывая пшеницу, ячмень и просо. «Когда наступает время посева хлебов и появляется трава для пастьбы скота, – пишет автор, – аулы покидают зимние

стоянки и идут кочевать, отыскивая удобные места для посевов. При выходе на кочевье, в летних становищах, мирза, глава аула, распределяет между подвластными ему людьми землю, межевание которой производится веревкой, затем каждый огораживает отведенное ему займище плетнем или же обозначает его какими-либо видными знаками». Для нас очень важным является и другое замечание автора о том, что ногайцы обрабатывали свои поля легким пахотным орудием, видимо, типа горской сохи (рала), с железным лемехом, и что у них существовала, как и у соседей-адыгов, переложная система земледелия: «Ногайцы почти никогда не обрабатывают два года подряд одни и те же земли» [1]. В свою очередь, мы можем отметить, что оседлые ногайцы, жившие в XIX в. на современной территории Карачаево-Черкесской республики, пользовались, как показывает наш полевой материал, исключительно адыгским (черкесским) тяжелым плугом, а также другими земледельческими орудиями адыгов. Подобно последним, ногайцы возделывали преимущественно просо. Они научились у черкесов и некоторым другим навыкам и приемам земледелия.

По данным путешественников второй половины XVIII в., характер земледелия у адыгов, как и у других равнинных жителей региона, остался прежним. Гильденштедт, например, отмечал у кабардинцев, что их хлебопашество ограничивалось «почти одним просом», которое «заменило им хлеб» [2]. Это же подтверждает и П. Паллас, который указывает также, что западные адыги наряду с просом «сеют немного ржи» и довольно много кукурузы. «На перекладинах под крышей, — пишет он, — находятся заготовки из целых колосьев турецкой пшеницы, или маиса, которые они обжигают на золе» [2]. И. Гильденштедту и П. Палласу мы

обязаны также первым упоминанием о тяжелом черкесском плуге (о котором речь пойдет ниже).

Весьма ценные сведения о земледелии адыгов, в частности, кабардинцев, дают и официальные русские документы XVI-XVIII вв. Многие из них выявлены Е.Н. Кушевой [3], другие опубликованы в научных сборниках [4]. В русских документах отмечается существование у равнинных жителей Северного Кавказа переложно-залежной системы земледелия, указывается на абсолютное преобладание среди возделываемых ими культур проса, служившего для собственного употребления и поставки на рынок. В одном из документов, датированных 1614 г., например, рассказывается о том, что когда в период крестьянских войн Терский город был отрезан от России, воевода города, «служилые люди и стрельцы покупали просо у кабардинских и кумыкских людей» [3]. В другом документе, составленном уже намного позже — в 1748 г., просо характеризуется по-прежнему почти единственным возделываемым злаком в Кабарде, служившим, как сказано в документе, главным продуктом питания населения. «Настоящая у общего их народа пища — просо, которым и лошадей стоялых (т. е. скакунов — *Б. К.*) кормят, а для себя на год запасенное зарывают в ямы. А пшеницы и ячменя мало употребляют и затем и сеют немного» [5]. В этом документе для нас весьма важно, кроме прочего, упоминание о зерновых ямах.

В целом анализ источников показывает, что земледелие в Кабарде никогда не играло ведущей роли в хозяйстве и находилось почти до конца XIX в. на низком уровне [6]. Этого нельзя сказать о западных адыгах, для которых, как мы стремились показать выше, земледелие было основой их хозяйства. Западным адыгам широко были известны основные системы земледелия — подсечная, переложная,

чередование культур, а также удобрение, орошение и искусственные террасные поля [7]. При этом наибольшее развитие земледелие получило у них в горной зоне, где также разводили фруктовые сады, огородные и бахчевые культуры. Знаменитые черкесские сады, славившиеся по всему Кавказу, возникли именно в горах Западного Кавказа [8].

70-80-е гг. XIX в. явились переломными для жителей Северного Кавказа, вызвали изменения в главных занятиях горцев. Резко меняется соотношение темпов развития горного и равнинного земледелия в пользу равнинного. Земледелие на равнине становится теперь почти для всех ее обитателей ведущей отраслью хозяйства. Сказанное в равной мере относится и к русским поселенцам, в частности, к терским и кубанским казакам, для которых скотоводство также являлось до второй половины XIX в. основным занятием. Вообще развитие земледелия на равнине Северного Кавказа у горцев и русского казачьего населения, живших издавна в близком соседстве и в одинаковых природных условиях, определялось часто общими факторами. Значительным толчком для развития земледелия на равнине было поселение во второй половине XIX в. в Ставрополье, на Кубани и отчасти на Тереке большого количества крестьян, так называемых «иногородних» – выходцев из южных губерний России. По данным Ф.А. Щербины, в результате массового притока крестьян в течение 16 лет после открытия Владикавказской железной дороги население Кубанской области почти удвоилось [9]. Особенно много крестьян обосновалось на огромных незаселенных просторах Ставрополья. Вот что сообщал очевидец, проезжавший по Ростово-Владикавказской железной дороге: «Огромные степи, раскинувшиеся по обе стороны рельсового пути и продолжающиеся вплоть до Черного и Каспийского

морей, по-видимому, во многих местах не знали еще прикосновения плуга... Только редко попадаются места, занятые посевами хлебов – преимущественно пшеницы, ячменя и проса, и еще реже – населенные места» [10].

В обзоре Кубанской области за 1896 г. говорилось: «Благодаря именно иногороднему населению Кубанская область обогатилась громадным количеством усовершенствованных земледельческих орудий. Первое появление их совпадает с началом семидесятых годов, когда в область стали прибывать многочисленные переселенцы из внутренних губерний России; они-то и явились для коренных жителей новаторами земледельческой культуры» [11].

Известный исследователь Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина отмечал, что с 1870-х гг. земледелие на Кубани вытеснило «прежнее скотоводческое хозяйство» [9]. В отличие от Ставрополья и Кубани гораздо медленнее шла запашка новых земель в Терской области, считавшейся еще в середине 70-х гг. XIX в. «страной лугов». Хлебопашество здесь было развито только на чеченской и кумыкской плоскостях. Уже в это время Чечня, как отмечалось, являлась житницей всего Восточного Кавказа. Она поставляла хлеб и русскому казачьему населению области [12]. Объясняется это, по-видимому, тем, что жители чеченской плоскости имели ограниченные возможности для занятия скотоводством из-за отсутствия пастбищных земель, чего нельзя сказать об их соседях – русских казаках и кабардинцах, владевших большими земельными угодьями. Для них скотоводство являлось главным, наиболее легким и выгодным занятием. 1870-1880-е гг. явились поворотными в развитии земледелия и для равнинных жителей Терской области. В этом большую роль сыграли «иногородние» крестьяне с их богатыми

земледельческими традициями, втягивание Кавказа во всероссийский рынок, требовавший все большего количества товарного хлеба – пшеницы и кукурузы.

Ежегодные отчеты начальников Терской и Кубанской областей и ставропольского губернатора дают возможность судить о темпах развития земледелия на всей равнинной территории региона. Уже в 1881 г. на Кубани под посевами находилось 1 244 975 дес. земли, а в 1894 г. – 1 696 640 дес. [13]. В отчете статкомитета за 1894 г. подчеркивается, что хлебопашество является в Кубанской области «господствующую отраслью сельскохозяйственной промышленности,

для 75% населения главным источником средств для удовлетворения всех своих потребностей» [14].

В целом развитие земледелия на равнине, в частности, возделывание на больших площадях пшеницы, кукурузы, ржи и т. д., можно сказать, послужило одной из причин упадка горного земледелия. Горцы перестали заниматься террасным земледелием, требовавшим огромного труда, а стали покупать хлеб на равнине. Главной заботой их стало увеличение поголовья крупного и мелкого рогатого скота, развитие скотоводства в целом, продукция которого приобретала все больший спрос на рынке.

Примечания:

1. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 гг. Краснодар, 1927. С. 14-18.
2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 206-219.
3. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв. М., 1963.
4. Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. Т. 1-2. М., 1957.
5. Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. Т. 2. М., 1957. С. 160.
6. Кн. Баратов Т.Г. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. 1860. № 73.
7. Клинген Н. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб, 1892; Герко И. Что нужно для развития хозяйства за Кубанью // Кубанские войсковые ведомости. 1896. № 9, 10; Дьячков-Тарасов А. Абадзехи // ЗКОРГО. 1902. Кн. XII, вып. 4.
8. Тхагушев Н.А. Адыгейские (черкесские) сорта яблоны и груши. Майкоп, 1948.
9. Щербина Ф. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб, 1894. С. 194.
10. Абрамов Я. Очерки Северного Кавказа // Дело. 1883. № 11. С. 39.
11. Обзор Кубанской области за 1886. Екатеринодар, 1886. С. 5-6.
12. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 144.
13. Шацкий П.А. Сельское хозяйство Предкавказья в 1861-1905 гг. Историческое исследование. Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Восточной России. Ставрополь: СГПИ, 1970. С. 198.
14. Кубанская справочная книжка 1894 г. Екатеринодар, 1894. С. 1.

References:

1. Peysonel M. The study of trade on the Circassian-Abkhazian coast of the Black Sea in 1750-1762. Krasnodar, 1927. P. 14-18.
2. Atyghes, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13-19 centuries. Nalchik, 1974. P. 206-219.
3. Kusheva E.N. Peoples of the North Caucasus and their relations with Russia. The second half of the 16th – the 30s of the 17th centuries. M., 1963.
4. Kabardian-Russian relations in the 16th-17th centuries. Vol. 1-2. M., 1957.

5. Kabardian-Russian relations in the 16th-17th centuries. Vol. 2. M., 1957. P. 160.
6. Prince Baratov T.G. On the nature and economy of Kabarda // Caucasus. 1860. No. 73.
7. Klingens N. Foundations of economy in the Sochi district. SPb., 1892; Gerko I. What is necessary for the development of economy over the Kuban // Kuban military statements. 1896. No. 9, 10; Dyachkov-Tarasov A. Abadzekhi // ZKORGO. 1902. Book XII, Vol. 4.
8. Tkhagushev N.A. Adyghe (Cherkessian) sorts of apple-trees and pear-trees. Maykop, 1948.
9. Shcherbina F. A general essay on the economic, commercial and industrial conditions of the area of Vladikavkaz railway. SPb., 1894. P. 194.
10. Abramov Ya. Essays on the North Caucasus / Delo. 1883. No. 11. P. 39.
11. Review of the Kuban region for 1886. Ekaterinodar, 1886. P. 5-6.
12. Collection of information about Terek region. Vladikavkaz, 1878. Iss. 1. P. 144.
13. Shatsky P.A. Agriculture of Ciscaucasia in 1861-1905. The historical research. Some issues of socio-economic development of South-Eastern Russia. Stavropol: SSPI, 1970. P. 198.
14. The Kuban reference book of 1894. Ekaterinodar, 1894. P. 1.